

18+

Viktoria Pressman

Дальше, чем край земли

Путешествие в сердце

Viktorija Pressman
Дальше, чем край земли.
Путешествие в сердце

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21575756
ISBN 9785448327315*

Аннотация

Это книга пилигрима. Книга о поисках пути, своего предназначения, об обретении свободы, о древней дороге под звездами. О том измерении, где происходят чудеса и стираются границы времени и пространства. Апокалиптический нон-фикшн.

Содержание

SAMINO START	6
Дорога древних римлян	9
По Французскому Пути	21
Camino Continious	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Дальше, чем край земли Путешествие в сердце

Viktorija Pressman

© Viktorija Pressman, 2020

ISBN 978-5-4483-2731-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Кто мы? Вестники, предвозвестники, свидетели последних времен, топчущиеся у закрытых врат Храма гроба господня в ожидании пасхальной литургии, которая не начнется? Кто мы, – застрявшие в междуречье, междустрочье, невидимки последних дорог, тайных прорезей истины.. «Видевшие свет не-вечерний?, вошедшие дважды в одну реку... Мы, успевшие краешком сердца вкусить последние крупички утекающей истины, ускользящей любви, искрящейся, слепящей глаза красоты вечного образа, который смотрит в сердечные очи, пробиваясь сквозь бреши, сквозь пустоты, сквозь груды мусора...

Мы передвигаемся потаенными тропками, не болтаем лишнего, корректируем линию судьбы, путаем следы, меняем лица, имена, пускаем пыль в глаза, иногда, запуты-

вая других вдруг сами запутываемся, но Путь выводит нас на правильную дорогу, звезда указывает вектор, мы отрясаем с себя пену дней и паутину лжи, и двигаемся дальше.

CAMINO START

Если мне зададут банальный вопрос – как и почему я стала пилигримом, мне будет сложно на него ответить. Дорога

сама нашла меня. Иногда вы не ведаете, что делаете и зачем, но вдруг приходит к вам предчувствие зари, предозарение.

Даже в самые темные периоды моей жизни меня вела моя звезда, и хоть я столько раз предавала свой Путь, мой Путь оставался мне верен.

Поэтому, когда я оказалась в Турине, и в туристическом центре мне, между прочим, сказали, что один из древних паломнических Путей начинается неподалеку, я приняла это как приглашение, как свой последний шанс стать по-настоящему свободной и счастливой.

Несмотря на то, что стоял прохладный ноябрь, я была абсолютно без экипировки и практически без денег, я откликнулась на зов Дороги и уже со всей отчетливостью почувствовала, что меня кто-то ведет.

А еще ведь, знаете, тогда, на острове каннибалов, я пообещала Богу, что если выживу, то уйду в монастырь. Потом один старец молился, чтобы мир отпустил меня. Прошло уже семь лет, я вроде как пока не ушла в монастырь, но мир явно меня отпустил, я ему этому миру не нужна... Я живу в каком-то ином измерении, а может, уже и не живу, может, я призрак, рефаим или терапевт, умерший однажды и оживший для вечности. Граница с царством мертвых для меня стерта.

Когда-то пилигримы несли души своих предков по Пути Сантьяго, и там, в конце Пути, эти души обретали покой. На пути в Сантьяго де Компостелла они видели шествия

духов с колокольчиками и зажженными свечами, процессия живых и мертвых двигалась под Млечным Путем в место, обозначенное звездой.

Дорога древних римлян

«Помнишь, когда ты входила в пустой город, на небе серпом молодая луна, на площади средневековой журчала вода, ты налила в кружку ледяной глоток, – вокруг ни души, горы дышат из темноты надвигающейся сыростью. Я встречал тебя, пилигрим, ты был не один, ты была не одна в том городе без людей. Иногда, правда, ты не искала Меня, ты искала окольных путей и просила бессмертия, готовая умчаться в беспросветную ночь со стаей волков или припасть к бурной золотогровой реке в надежде обрести силу и вечную юность души, а еще ты просила кого-то в день солнцестояния, ты просила о доме, и вот, словно как на ладони, свершилось все, но затем обернулось ехидной. Ты в скитаньи опять, мой пилигрим, Я как и прежде встречаю тебя на пустых улицах старого городка где-то в Галлии. В дни великого Поста. Ты ведь знаешь, мой друг, наше сердце с тобой высоко в горах».

В горах, говорят, уже снег. Турин. Последний пункт перед восхождением, перед прыжком в пропасть. Назад дороги нет. Здесь, в Турине, проходит один из древних путей, первая римская дорога из Галлии в Испанию, Via Domitia. Кроме всего прочего неподалеку проходит путь Via Francigena, путь святого короля Сиджерика из Кентербери в Рим. Дорога Домития появилась еще до Рождества Христова, до муче-

нической кончины апостола Иакова, задолго до бешеной популярности паломничества в Сантьяго де Компостелла, более чем за сто лет до распятия вниз головой апостола Петра и появления паломнического пути Via Francigena от Кентерберийского собора, где гробница Святого Ансельма к вечному граду Риму, к первоверховному апостолу.

Вот сейчас время королей. Сейчас мое время. Китайцы снаряжают меня в путь. На последние деньги я покупаю перчатки и кроссовки, пахнущие одинаково, а именно низкокачественным китайским дерьмом, созданным тысячами маленьких трудолюбивых ручек, – это вся моя экипировка.

«Обычный горожанин», похожий на пастора Шлага, наверняка профессор или просто нормальный интеллигентный житель Турина, рядом с которым чувствую себя неотесанной дурой, объясняет, как пройти к Туринской плащанице. От него я узнаю, что, оказывается, «Иоанн Креститель – покровитель Турина». Иоанн Креститель, первый пустынный, открывший тайну покаяния. Ну а потом в путь. Язык Божий – силентиум. Поздним вечером автобус привозит меня в Суса (Валле ди Суса), откуда я намереваюсь начать свое пешее паломничество по стопам древних пилигримов. Так мне сказали в туристическом центре в Турине. И я согласилась.

Надо всегда искать собор, духовный центр, горящее сердце, а все остальное будет логически достраиваться до полной картины. У врат Сан Джусто, собора 1068 года под солнечными часами меня благословляет католический священник.

«Аугури». Да, когда-то дороги разветвились, 1054 год, когда официально католики и православные пошли разными путями в Царство Троицы. Тайная, сокрытая от глаз заезжих поверхностных туристов Европа, древние дороги, все еще хранящие следы посвященных и связь с традицией, когда жизнь была наполнена сакральным смыслом. Дороги, которые затягивают вас в свое измерение и открывают пути обретения древней силы и мудрости, неподвластной времени. Млечный Путь освящает дорогу, идущую далеко за пределы времени и за границы жизни, доступной нашему рациональному познанию. Пока вертится Земля, пусть сверкают дороги, пока еще есть живая вода, пусть гудят небеса.

Шпион, которого завербовали, никогда не сможет вернуться назад. Я – шпион, я ведаю тайны, и даже молчание не позволит мне вернуться назад. Хотя нам, обреченным на одиночество, все равно до конца никто не поверит, и до конца никому не суждено будет услышать и понять тайну, ненароком слетевшую с пьяных губ.

Я выбираю срединный путь, истина-жизнь, hidden track, тело – дух, небо – гроза, солнце – земля, спрячусь в лесах сердца. Огонь осветит изнутри, подскажет вектор. Пограничный пилигрим. Евразия. Лилии, блаженство нищих. И где-то пропадает время, там, где проходит третий путь.

Первая ночь. Я в дороге, уже на ней. В темноте прорисовываются вершины Альпийских предгорий, горы дышат из темноты, я чувствую волны их дыхания. Где-то внизу шу-

мит горная река, моя La Durance, моя выносливость. Все последующие дни я так или иначе иду вдоль этой реки, пересекаюсь с ней, она как будто мой покровитель. Прости, о Мадре мио, за выпады случайных снов, за древний огонь, который горит в дремучих непроходимых лесах моего сердца. И я чувствую силу, древнюю забытую силу, а еще я чувствую, что меня кто-то ведет, и что у меня появился новый ангел-спутник-хранитель. Первую ночь сплю в кузове грузовика, до этого, осушив бутылку вина над пропастью с шумящей рекой. Наутро нахожу в горах источник чистой альпийской воды, завтракаю подзамерзшими сахарными, истекающими соком плодами хурмы, по пути срываю яблоки, позже, поднявшись уже довольно высоко, собираю каштаны и ем их. Они и сырые вполне съедобны. Оставляю немного про запас. Вижу оленей, орлов. Солнце припекает. Каштаны, хурма и родниковая вода.

Двигаюсь по направлению к Франции по маркировке в виде желтого треугольника, иногда желтого пилигрима с посохом и рюкзаком. Когда солнце садится, становится холодно. Холодает еще и по причине набора высоты. Вторую ночь провожу в лесу у тропы, жарю каштаны, греюсь, в огне стограет моя кофта, из темноты доносятся шорохи и похрюкивания. Светит Луна и звезды. Под утро становится невыносимо холодно. В пять утра я уже на тропе. В предрассветных сумерках приближаюсь к Экзилю. Прохожу мимо древней церкви, наверное, XI—XII века, с каменными изображе-

ниями распятого вниз головой Петра, высеченными на камне стрелами, указывающими направление, ну и, конечно, ракушками и крестом с мечом на конце – символами Сантьяго. Некоторые символы мне непонятны. Пока не понятны... Что-то напоминающее гусиную лапку, трезубец Нептуна, дохристианские символы, принесенные друидами или людьми моря, людьми затонувшей Атлантиды...

Поднимаясь в горы, прохожу первого оракула и на третьем повороте нахожу свой посох. Дорога проходит мимо горного хутора – людей нигде нет, так как не сезон. Я брожу по открытой территории, вижу черепа животных над входами в дом, старые горные лыжи. Благодаря полной тишине и отсутствию людей, альпийские городки напоминают театральную декорацию.

Дорога прорастает в сердце, как и белые вершины Альп – зима, осень, весна – все здесь и сразу. Олени, горностаи, белки, птицы – все придут ко мне. Жгу костер в маленькой каменной пещере и кипячу альпийский снег. Вдруг заглядывает ко мне на огонек белый горностаи. Любопытное создание, лишённое страха, порожденного каиновой цивилизацией. Разглядывает меня и уходит.

Когдаходишь в град, старый город, обязательно надо найти собор и зайти в него, обойти его вокруг, при наличии крепости зайти в нее. В любом случае надо войти и выйти, и это метафизика дороги: поймать вибрацию времени и духа, получить еще один штамп в небесном паспорте.

В ночи забираюсь по извилистой тропе в крепость, иду по навесному мосту, дохожу до врат, стучусь, в окне появляется глаз привратника... «Кого, черт возьми, занесло в такое время года и ночи?»

«Это я, фрейлина ветра...»

«Да-да, сударыня». Скрип дерева и железа. Я внутри. Город спит. Все похоже на театральную декорацию. Луна освещает дрожащие тонкие стебли цветов. Все ставни закрыты. Ветер открывает дверь церкви на площади с журчащей водой. Во всех старинных альпийских городках на главной площади есть источники журчащей чистой воды с висящим на цепи кувшином – можно пополнить запасы пресной воды и снова в путь. Много ли надо человеку для поддержания живота? Кувшин чистой альпийской воды, хлеб, сыр и немного вина. Дорога приведет вас к источнику живой воды. Вхожу в церковь, ветер открывает двери. Тишина, ни души. Иду к кресту. Всегда надо идти к кресту.

Минус пятнадцать – я уже высоко, самая трудная ночь – под елью, накрывшись еловыми ветками в легком летнем спальнике. Под утро снова в путь. Значок желтого треугольника указывает дорогу. Когда сбиваюсь с пути – это в интересах дороги. Потеряв тропу, по колено в сугробах иду по направлению к снежному пику. Нахожу сколоченный треугольный домик, обитый войлоком, высоко в соснах, у подножия Монтженевро, у границы с Францией. Похоже, что домик, напоминающий скворечник, сколотили скауты, а потом уже

его периодически использовали такие случайные бродяги, как я. В домик залезаешь по деревянной лесенке, прибитой к дереву. В доме карты, нестогоревшие свечки, внизу чьи-то старые вещи, мангал. Разбросанные черепа животных, карта джокера. Я решаю остаться на несколько дней, чтобы вылечить больное горло. Провожу волшебные ночи на берегу моей реки – La Durance. Тлеют угольки в мангале, я танцую под яркими звездами. Нахожу в снегу замерзшие маслята, варю суп из грибов, делаю чай из синего горького мха.

Случайно в огне сгорают мои китайские кроссовки, когда я пытаюсь их просушить. Внутренний голос говорит мне, что надо утром идти на другую сторону бурной реки. В стогоревших кроссовках, по колено в сугробах я ползу на другую сторону, с трудом нахожу переправу. Вижу трейлеры, прицепы – никого нет. Ноябрь – еще и уже не сезон. В одном трейлере открыто окошко. Я, не раздумывая, пролезаю в это окошко и первое, что я вижу, – это новые трекинговые ботинки моего размера, стоящие посередине трейлера. Я беру еще медикаменты, кофе, бутылку рома и спальный мешок. Переодеваюсь в чью-то чистую майку и толстовку, оставляю свое грязное шмотье под трейлером и благополучно возвращаюсь в лагерь. Все в интересах дороги. В последнюю ночь приходят волки, и я рада, что я высоко.

Вперед. Дорога зовет. Снег по колени, несмотря на новые ботинки, ноги насквозь промокли. Я уперто иду по маркировке, через горы. Подъем круто вверх, скользко, мокро,

под снегом скрываются пустоты. Чуть не падаю несколько раз, разбиваю замерзшие колени, отвесная гора, остервенело хватаюсь за деревья и кусты. Тропа все круче вверх, ползти почти что невозможно. Я кричу в пустоту, все тело трясется от перенапряжения и холода. В сердцах я кидаю свой рюкзак в пропасть к чертям. Потом на мгновение понимаю, что внизу река, в рюкзаке документы, карточки, ноутбук и другие нужные вещи. Успеваю вознести молитву, чтобы рюкзак мой нашелся и не угодил в реку. Кубарем спускаюсь вниз. И, о чудо, в нескольких метрах от реки нахожу рюкзак, который зацепился за дерево... Вся одежда на мне мокрая. Терпение на пределе. Моя La Durance – моя выносливость. Снимаю обувь, захожу в ледяную бурную реку, мне становится легче, усталость и судороги немного стихают. Пью ром. Возвращаюсь на проезжую дорогу и иду по ней. В обход, до границы с Францией. Самое трудное позади. Переодеваюсь, ночью в подвале церквушки Святого Спевсиппа.

На следующий день дорога приводит меня к небольшому лыжному курорту. Сезон только начался. Вид у меня странный. На лыжника я явно не похожа, иду вдоль лыжной трассы со своим огромным рюкзаком. В деревне покупаю новые перчатки и еду. Франция выглядит довольно цивилизованно и приглаженно. Какую-то часть пути меня подвозит на машине парочка баптистов средних лет, я не упускаю случая рассказать им о том, куда и зачем иду, хотя знаю ничтожно мало. Я уже не так высоко в горах. Вокруг золотая осень,

светит солнце. Тропа проходит через красивые средневековые городки, скалы, поля. Ангелы смотрят на меня и улыбаются с нефов старинных церквей. В Талларе, в туристическом центре мне предлагают поставить какой-то штамп. Я не очень понимаю, о чем идет речь, но протягиваю свой молескин и получаю первый в своей жизни штамп в виде значка пилигрима с посохом и сумой.

Сбиваюсь с пути, оказываюсь в агрокультурных зонах, огороженных и однообразных. Приходится ловить попутку. Останавливается старенькое рено 70-х годов, за рулем эмоциональная, искренняя француженка средних лет. Она подвозит меня до Систерона. Я иду в аптеку, мне нужны пластыри. Сажусь в кафе на улице с чашкой кофе и клею пластыри на мозоли. Вдруг вижу бегущую ко мне с ковриком француженку, которая подвозила меня. «Мадам, мадам, вы забыли!» – кричит она, запыхавшись, и улыбается... Она не поленилась вернуться, чтобы отдать мне старый потрепанный коврик, который я забыла в ее машине на заднем сиденье. И как она только нашла меня!? Ведь я вышла в нескольких сотнях метров отсюда. У меня нет слов. «Вы святая женщина. И волшебница! Этот коврик так важен для меня. Спасибо!» Поднимаюсь в цитадель, планирую провести там ночь. Ужинаю бутылкой Божоле и салями. Наутро мне становится плохо, силы покидают меня. Суставы ноют, поднимается температура. Я решаю спускаться с гор к теплому морю.

Оставляю в цитадели свой посох. Прощаюсь с горами.

Они проросли в моем сердце. Я вернусь, я обязательно вернусь, чтобы закончить. С гор спускаюсь на автобусах, все ниже и ниже, к морю. Мне грустно. Похожее чувство я испытывала когда-то в Малайзии, после того как провела почти неделю без денег в Камеронских высотах, бегая на пустой желудок по джунглям, и когда я уезжала, у меня было чувство, будто я прощалась с очень близким мне человеком.

Вот и Марсель. У меня поднимается высокая температура, понос, пищу принимать я не могу. Всему виной, наверное, салями на пустой желудок. Или божоле. Провожу три ночи в бреду в дешевой гостинице мусульманского квартала. Обшарпанная комната. Ставни. Вид на площадь с каруселями. На третий день я воскресаю, иду гулять по Марселю. Деньги заканчиваются. Неожиданно оказываюсь перед домом святого Иакова, моего нового друга и покровителя. Стучусь в дверь, мне открывает Жаки, глава ассоциации пилигримов Прованса. Я объясняю ему, где я была, и что меня привело сюда, причем абсолютно случайно. «Не проблема, вы можете остаться здесь. Пойдемте пить чай в галерею моей подруги, это недалеко».

Я получаю прекрасную комнату с кожаной мебелью, картинами, телевизором и видом на старый порт. Мне дают паспорт пилигрима и снаряжают дальше в путь, хотя и всячески отговаривают идти. «Сейчас холодно, дожди, куда ты пойдешь?» – говорит Жаки. Но я рвусь в бой. Оказывается, в паспорт пилигрима ставят штампы тех городов, которые

проходишь. Они же дают возможность ночевки и иногда бесплатного ужина.

От Арля начинается Тулузский Путь в Сантьяго. Но у меня температура, болят колени, тело обессилено... Я играю джаз на пианино Kawai в галерее подруги Жаки, парижской художницы вьетнамского происхождения по имени Мин. Меня снимают на камеру, кормят, лечат. Жаки оказывается профессиональным фотографом, мы гуляем под дождем по Марселю, и Жаки снимает нас на камеру. Милый мохнатый терьер Паки и старый кот – еще одни обитатели дома. Неделю я отлеживаюсь, отъедаюсь, гуляю вдоль теплого моря. В доме Святого Иакова кладезь информации о всех существующих камино, коллекция маленьких католических статуэток, изображающих пилигримов, тамплиеров, святых, проповедников. Собрана огромная библиотека, в основном на французском языке об истории Chemin de Saint Jacque, о древних городках на путях пилигримов, о памятниках архитектуры. Я знакомлюсь с культурой паломничества в Ком-постеллу, проникаюсь ею, и то, что было в прошлом, вдруг предстает совсем в ином свете: как будто все вело меня сюда, в этот дом святого Иакова, откуда началась моя история пилигрима.

Сейчас, спустя почти пять лет, дома Иакова в Марселе больше нет. Жаки, к сожалению, так и не справился с потерей первой молодой жены, которая умерла от рака через год после их знакомства в Дороге: он спился, продал дом

Святого Иакова, и теперь там африканский ресторан. Он вернулся на родину в Страсбург, и они окончательно разошлись с Мин. Мин впервые за свою жизнь побывала на родине, во Вьетнаме, и почувствовала свои корни. «Там все такие же, как я», – сказала мне она... «Поедем со мной работать с детьми во Вьетнам, от фонда Красный Дракон»...

Потом я возвращаюсь туда, где когда-то был дом. Милан-Таллин. «Я обязательно вернусь, чтобы закончить дорогу. Camino is in my heart». В Таллине я веду себя словно пират, сошедший на берег – я пускаюсь во все тяжкие, и после всего содеянного убегаю по направлению к третьему Риму.

Небо Москвы. Следующая станция – Норманнская или Франкская? Быть может, следующая станция – «Хочу тебя обнять»? Нам светит компас неземной... Где я? Потеря ориентации. Lost and possibly found. Иногда так странно ненадолго вновь обрести свой московский дом. Тихая гавань, капитан. Рядом с домом – библиотека им. Гумилева. Мой волоокий рыцарь. Моя муза дальних дорог.

*Млечный Путь над головой —
Вечное сиянье,
Разум мирозданья,
Молчанье и покой.*

По Французскому Пути

Я изгоняю демонов, успевших обосноваться в моем старом московском доме, нахожу новых жильцов, они делают ремонт, все становится белым, как снег конца февраля. В первый день весны, в день рождения моей любимой бабушки, я ставлю свечку за упокой и покидаю Москву. В книге придворной японской поэтессы Сей-Сенагон написано, что в четвертую луну надо менять направление пути и оставаться в чужом доме, чтобы запутать следы. Да, мне надо запутать следы, иначе стая волков с отравленной, капающей изо рта слюной настигнет меня.

Итак, меняю направление, путаю следы, по пьяни ломаю ключицу, за окном минус двадцать, но птицы уже щебечут – первая неделя марта. Стоп-кадр. Меня окружают дети, лысая кошка, вчера было Прощеное воскресенье. Бывает, что слово «прости» теряет свою свежесть и актуальность. Становится заезженным, но все равно у меня получается выдать из себя несколько галлонов приправленных правдой и горечью этих самых «прости», которые звучат все еще свежо, и оказывается, что это кому-то нужно! Тишина Поста. День первый. Иногда лучше оставаться на месте. Иногда лучше молчать. Язык божий – силентиум.

Я неспешно набираюсь сил, организм справляется с травмой, рука все еще болит, торчит кость. Это все же не пере-

лом, а разрыв связки. Вот так, запутала следы.

Морозный, ветреный, и немного скверный конец марта. И никого – зависли в ожидании причины и конца... А потом соборование, Благовещение – и я не гнушаюсь икрой, шампанским с утра и легким похмельем. Вечером у меня поезд. В конце мая – самолет в отправной пункт Дороги Святого Иакова.

Я вернулась в Таллин в начале весны. Мне надо было снять большую квартиру для знакомой британской журналистки, которая собиралась провести в Эстонии ближайшие четыре месяца. Мне же самой было временно негде жить, поэтому я ночевала в просторной мастерской своей подруги художницы. Маленький диван, детский спальник, огромная белая комната с картинами, пропахшая краской, дом на развилке дорог, недалеко от трамвайных путей и цветочного магазина, на месте которого когда-то было подворье Пюхтицкого монастыря, взорванного в хрущевские времена.

...Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется. На могилах мнимых праведников заведутся черви, и на безымянных могилах на обочинах пыльных дорог запоют ангелы.

Когда мы успели потерять свою невинность? А мне все снится и снится дом детства, и слезы текут ручьями... Змея недалеко от могилы отца неожиданно выползает из-под ног, пригретая теплым весенним солнцем, она была потревожена моими шагами. Тень ворона над головой очерчивает круг.

«Итак, сыны свободны!»

– *Что принесешь ты мне, дорога?*

– *Всю квинтэссенцию пережитого, лучшее, что было, соберется в одно и смело пустит корни, и зацветет, и заиграет всеми красками на солнце.*

Любовь вбирает в себя все, белый цвет – вбирает все цвета.

Любовь, белая птица, летит к началу пути.

Приближался неминуемо день отъезда, дорога начинала звать с неумной силой и проверяла на прочность мои паруса. Корабли гудели в порту, нервы как будто кто-то щекотал, впервые мне было немного страшно. Это как собирать внутренние силы и волю для прыжка – сосредоточенного, немного безумного, прыжка в туман, в неизвестность, с едущего поезда.

Больше ничего не связывало меня с этим миром, все «прости» смыло слезами и весенним дождем, нить Ариадны, эльфийская кольчуга, Артос, живая вода, кто-то где-то, но это не так важно... Кто-то – это не так важно. Как будто проверка на прочность, игра с мыслеформами, предателями и трусами, говорящими мне: «Не надо, это опасно, принеси Богу что-то другое, свой труд, дела милосердия, свое сердце» – Сакре-Кёр. Вдруг выползает мой маленький мещанский испуганный душок и пищит что-то невнятное. «Где бы

вы ни были, вам не убежать от себя».

Все же, несмотря на страх, я покинула Ревель в день памяти Св. Брендона, покровителя путешественников. Испив все бокалы, промотав деньги и время, отпустив птицу детства, я вступила на Дорогу и под покровительство Св. апостола Иакова. В Байонне лил дождь, и было холоднее, чем на родной Балтике. Меня окружали группы японских и корейских пилигримов, одиночные и парные европейские и американские вело – и пешие паломники, а также люди разных возрастов в синих куртках, проводившие анкетирование. Поезд до Сен-Жана был забит до отказа, это не входило в мои планы, но, видимо, это входило в планы Бога живого.

В отправной точке Камино Франсе, Сен Жан Пье де По, тоже лил дождь. Основной Путь через Пиринеи был закрыт из-за плохих погодных условий и из-за того, что несколько дней назад там, в горах, из-за плохой видимости и холода насмерть замерз австралийский пилигрим. Но это не остановило меня и парочку других безумцев от следования Пути.

День первый

В Пиринеях ураганный ветер, хлещет дождь, нулевая видимость из-за тумана, ветра и дождя, и почти что нулевая температура. Невыносимо холодно, все насквозь мокрое, грязное, дождевик не спасает, ноги хлюпают, главное, не останавливаться, чтобы не замерзнуть и не подхва-

тить воспаление легких. Сильнее всего мерзнут руки, лицо, шея, я добираюсь до вершины, нахожу каменную хижину, она немного протекает, но все-таки в ней не так льет, как на улице. Варю кофе, пытаюсь сушить вещи над примусом. Обвязываю ноги пакетами, надеваю пакет на голову и снова в Путь, на спуске иду по грязному потоку по колено в воде, листьях и жиже. Иду напролом, прохожу мимо двух мирно беседующих о чем-то француженок, они, в отличие от меня, хорошо экипированы, и им не так холодно и мокро, как мне. Последний час – самый тяжелый, болят ноги, отсыревшие, замерзшие, ноют суставы. Дохожу до Ронсевалья, это уже Наварра, Ола Испания. Из-за холода, усталости и изможденности я забываю про знаменитую битву Карла Великого и Роланда с мятежными басками в ронсевальском ущелье. В огромном альберге для пилигримов, расположившимся в здании древнего францисканского монастыря, все содержимое рюкзака приходится постирать и высушить в центрифуге, позже в ближайшем баре профилактика – сто грамм анисового ликера. О, совпадение, моими соседями по купе оказываются те самые итальянцы, которые тоже прошли через перевал. Они дарят мне беруши. В 10 часов альберг погружается в темноту, и начинается симфония храпа. Я втыкаю беруши и моментально погружаюсь в сон. Наутро около 6 часов нас будят молитвой, песней пилигрима. Моя обувь все еще сырая. Я обматываю ноги газетами и пакетами и впихиваю их в трекинговые ботинки. Те са-

мые, подрезанные в Альпах в ноябре в трейлере. Последующие пять дней дождь продолжает идти с переменным постоянством. Пилигримы, идущие в одном темпе – внешнем и внутреннем, начинают кучковаться в группы. Дорога сводит людей... Я знакомлюсь с итальянцами, корейцами и американцами, в основном из Калифорнии, с которыми мы постоянно вместе в последующие две недели.

Господи, если бы я смогла прожить свою жизнь заново, пройти Камино еще раз, совершала бы я те же ошибки, наступала бы на те же грабли, падала бы в те же ямы? Залипала бы на старые, заезженные схемы отношений, привычек, несвобод? Странно, в дороге вылезает все то, что беспокоит в жизни – страсти, эгоизм, хочется быть на дороге одной, хочется быть супергероем, а вокруг такие же люди, и они делают то же самое – и они часто предлагают мне помощь, мы не конкуренты, мы в одной упряжке. Когда я стану суперменом и улечу в пределы ойкумены... и перестану выдавливать мозоли на кровать?..

Каждая микрочастица растянувшейся вереницы пилигримов с рюкзаками из трехсот душ, напоминающей с высоты птичьего полета муравьиную каравеллу, идет своим путем. Светящаяся дорога дала всем равные шансы, но на выходе у каждого получится что-то особенное, неповторимое, важное только лично для него. Вера, открытость, готовность к переменам, степень преодоления и страдания, выявление проблемных зон, встречи с людьми и возможности меняться

вместе с ними, взаимопомощь, социальность и одиночество с Богом. Все здесь на Пути в полноте, изначальной простоте и правде.

Мы шли по обнаженному нерву светящейся камино, это-му государству, являющемуся частью земли обетованной, этакой прорези истины, неподвластной времени. Мириады древних паломнических путей образуют нервную систему дорог, соединяющих важные духовные центры старушки Европы. И я верю, что эти дороги способны возратить потерянное величие, благородство и веру закатившейся Европе, эти дороги – как сокрытая возможность нового возрождения, возможность поиска истины и обретения веры и свободы. Да, для многих «Бог умер», но что-то заставляет людей оставлять свои теплые удобные дома и квартиры, уместить свою жизнь в рюкзаке весом 10 кг и пускаться в тяжелую, но невероятно прекрасную авантюру, чтобы снова обрести себя и увидеть Сантьяго.

Через неделю, когда ноги ноют, и все тело отказывается продолжать двигаться, наступает момент, когда задаешься вопросом: «А зачем я вообще это все делаю? Зачем я встаю в шесть утра, одеваю на плечи тяжелый рюкзак, на израненные мозолями ноги натягиваю мокрые трекинговые ботинки, иду двадцать пять-тридцать километров, что я вообще на фиг делаю и зачем?» Так вот, надо себя пересилить и идти дальше, несмотря ни на что.

Дорога соединяла что-то на века, желания исполня-

лись, удесят�ерялись. Колокольным перезвоном звучало *Vien Camino*. Птицы пели пилигриму, красные маки склоняли в почтении голову, золотились поля пшеницы – все цвело, все пело, все танцевало. И меня волновал один вопрос. Когда я приду к заветной долгожданной цели, к мощам апостола Иакова в Сантьяго – не будет больше ракушек, желтых стрелок, указывающих путь, я не буду идти на запад вдоль Млечного Пути, не будет звучать перезвоном *буэн камино*. Так вот, когда я сойду с *камино*, сойду ли я? Будет ли утеряно направление, тот четкий линейный вектор, эта горящая любовью обнаженная суть дороги, которая старше десяти веков, будет ли во мне говорить тот древний пилигрим, вселившийся в меня еще в Альпах, будет ли пронзать мое сердце меч ордена Сантьяго? Насколько хватит этого чуда? И увидимся ли мы с нашими попутчиками – в реальности дороги или в обыденной жизни, которая никогда уже не будет прежней.

Сидя в тени вишневого дерева с неспелыми плодами, попивая виноградную лозу, пережидая полуденный зной, я думала о прощении. Пилигрим – всегда прощен. Ему нечего терять. В дороге мы прощены. Навеки прощены. В реальности падающих звезд кто нас осудит? В дороге – либо воскресенье либо безвременье.

Камино – и вышел потаенный шлак. Когда-нибудь мы ворвемся в царство леса, в древние холмы, как короли из поднебесной, и птицы полетят нам навстречу, и деревья будут танцевать, и будет все наполнено любовью навсегда.

Разматывается клубок километров, разматывается клубок пройденных дорог. Я молю об обретении свободы, о возможности делать выбор, остается двадцать пять километров до восхода нового дня, когда с холма счастья я увижу полыхающий в огне любви город. Восходящее солнце лизнуло и обожгло, полетели птицы, потекли слезы, начался новый день во всей первоизданной красе и полноте, проливая свет на обнаженную правду жизни. Только сейчас. И спала шелуха, нам больше не солгать.

Ничего про запас – это и есть нестяжание. Сейчас есть хлеб, и слава богу.

В дороге можно сбиться с пути. Думаю о возможных дорогах в будущем. Кто знает, может, иногда стоит вернуться... И это не всегда значит – проиграть. Иду вдоль линии дождя, камино – пограничный путь, дорога разделяет тучи и чистое небо. Ветер. И где-то на земле уготован для меня приют.

Чем ближе к Сантьяго – тем громче вопиют камни – высеченные кресты, немного наивные, детские статуи ангелов, Богородицы, апостола Иакова. С какой-то трогательностью, незащищенностью, радостью они взирают на меня, и им не все равно.

На самом деле мы все молчали о победе.

А впереди ждал меня Иерусалим, где спустя три месяца я лобызала главу Святого апостола Иакова в Армянском квартале старого Иерусалима. Два с половиной месяца я ступала по святой земле, шла пешком в Вифлеем, была там

на Рождество Христово, пересекла всю Палестину, поднималась на Фавор, купалась в Иордане в крещенский сочельник. Старый греческий монах молился за мою любимую бабушку, и мне приснилось, как ее выносят на руках из темного подземелья и почувствовала запах ее ног. В Иерусалиме же произошла довольно роковая встреча, повлекшая за собой неумемную страсть длиной в год. Чтобы освободиться от этой страсти, мне пришлось поехать в Париж. Многие приезжают в Париж, чтобы влюбиться. Я же поехала в Париж, чтобы разлюбить.

Отныне мы рыцари дорог,
Нас охраняет ветер,
и каждый шаг нам светит,
Как новый небосвод.
Нам вторит ветер,
И иногда как будто невпопад
Мы попадаем в сети старых лап,
Когтистых лап.
Потом мы оклеветаны,
Разбиты, преданы забвенью —
Свобода дорогой ценой.
Мы рыцари дорог,
Нам тайно светит
Наш компас неземной.

Camino Continious

После почти восьмисот километров французского Пути и месяца, проведенного в дороге, я поклонилась Сантьяго в крипте собора, обняла его статую, и в тот же день немного поспешно за компанию со своими постоянными попутчиками последней недели американским фотографом Брайаном и пухлой британкой Изабель, покинула Сантьяго по направлению к Финистерре, где заканчивалась земля, и солнце садилось в океан. Нам просто очень не хотелось верить, что камино завершено... Было непонятно, как жить дальше. И мы пошли. А потом мы решили с Изабель пройти часть Португальского камино в обратную сторону. Это было трудно, указателей видно не было. Да, стоило наверное просто смириться с тем, что камино завершено. Пока что. Потом мы на попутках добрались до Порто, где встретились с друзьями пилигримами. И поехали на автобусе в Лиссабон, где в Альфаме на меня взирал лев, похожий на льва святого Марка в Венеции.

А потом, потом я благополучно опоздала на самолет из Жироны. Я потратила все деньги, почему-то будучи уверенной, что смогу без денег и вовремя добраться до Жироны. Но Дорога решила не отпускать меня, или просто я, несмотря на предельную усталость после пройденных 900 км, очень не хотела, чтобы дорога заканчивалась. Итак,

в автобус до аэропорта без билета меня не пустили, чуда, как мне казалось, не произошло. После опоздания на самолет я переночевала на пляже Барселонеты, меня разбудили вежливые, улыбающиеся полицейские. «Здесь нельзя спать». И я уныло побрела по пляжу. О рюкзак постукивала ракушка Сантьяго. Вдруг меня догнала женщина. «Вы пилигрим?». «Да, я только вот прошла французский путь и опоздала на самолет. У меня вообще нет денег.» «Вы можете переночевать у меня пару ночей. Заодно расскажете, какую экипировку лучше выбрать, поделитесь опытом». У этой дамы была квартира прямо у бульвара Лас Рамблас. Она жила уже много лет в Австралии, и приезжала в Барселону на лето. Не могу сказать, что человек она была приятный, но с другой стороны она сделала все, что могла для пилигрима, попавшего в беду, и на том огромное ей спасибо. И дала мне еще 10 евро в придачу, чтобы я не умерла с голоду. День ото дня мне должны были прислать финансовую помощь из Москвы, а пока, с десятью евро в кармане, я решила не унывать и пойти Каталонское камино из Барселоны. Вернее, из Монтсеррат. Я просто влюбилась в Богородицу Монтсеррат и в «Богом зданные» горы, напоминающие греческие Метеоры. Теперь я думаю, что мое опоздание на самолет было не случайным. Мне просто надо было встретиться с Черной Мадонной...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.